

УДК 81'27:81'373.49

ББК Ш107

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

Е. А. Сидельникова
Ставрополь, Россия

E. A. Sidelnikova
Stavropol, Russia

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
СПЕЦИФИКА ЭВФЕМИЗАЦИИ /
ДИСФЕМИЗАЦИИ В НARRATIVE FINANСОVO-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Аннотация. Проводится лингвопрагматический анализ специфики глобальных стратегий эвфемизации / дисфемизации в нарративе кризиса на материале публицистического экономического дискурса.

Ключевые слова: нарратив; экономический кризис; экономический дискурс; порождение информации; блокирование информации; коммуникативная стратегия; стратегия эвфемизации / дисфемизации.

Сведения об авторе: Сидельникова Екатерина Алексеевна, аспирант кафедры теории и практики перевода Ставропольского государственного университета, ассистент кафедры лингвистики, межкультурной коммуникации и туризма.

Место работы: Северо-Кавказский государственный технический университет.

Контактная информация: Ставрополь, пр. Кулакова 2/2, корпус М, каб. 25.
e-mail: e.sidelnikova_7@mail.ru.

Актуальное и продуктивное исследовательское направление «лингвистика нарратива» определяет свой объект изучения как «текст, передающий информацию о реальных или вымышленных событиях, происходящих во временной последовательности» [Попова 2001: 87]. Задача данной статьи — определить функциональную специфику информационной нагрузки эвфемизации/дисфемизации в нарративе кризиса, реализуемого в публицистическом экономическом дискурсе. Материалом исследования послужили контексты качественных газетных и журнальных изданий экономической направленности за период с 2008 по 2011 г. (*The Guardian, The Observer, USA TODAY, Коммерсантъ — Деньги, Прямые инвестиции, Экономика и жизнь*).

В перечне категорий и понятий лингвистики нарратива Е. В. Падучева называет коммуникативную ситуацию и ее составляющие, первичные и вторичные эгоцентрические элементы языка (элементы, семантика которых связана с коммуникацией, прежде всего область дейктика и субъективной модальности), режим интерпретации, тип повествования [Падучева 1996]. По мнению А. П. Чудинова, которое мы разделяем, нарратив характеризуется тематическим единством, общностью основных «героев», единой событийной канвой, обособленностью во времени и пространстве, однако его пространственная и темпоральная локализованность не абсолютна [Чудинов 2006: 78]. Д. Шифрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [Schiffrin 2006: 321].

Нарратив финансово-экономического кризиса, его причины, составляющие и последствия получают глубокую и разностороннюю рефлексию как в массмедиуме, так и в повседневном дискурсе соответствующих стран. Данное явление склады-

THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC SPECIFIC FEATURES OF EUPHEMISTIC / DYSphemistic PROCESSES IN THE FINANCIAL-ECONOMIC CRISYS NARRATIVE

Abstract. The article explores the lingo-pragmatic analysis of the global euphemistic / dysphemistic strategies peculiarities in the crisis narrative, which is based on the material of the journalistic economic discourse.

Key words: narrative; economic crisis; economic discourse; information creation; information blocking; communicative strategy; euphemistic / dysphemistic strategies.

About the author: Sidelnikova Ekaterina Alekseevna, Post-graduate Student of the Chair of Theory and Practice of Translation, the Stavropol State University. Assistant Lecturer of the Linguistics, Cross-cultural Communication and Tourism Chair.

Place of employment: North-Caucasus State Technical University.

вается из набора универсальных содержательных компонентов (финансовая политика, банковская система, торги на биржевых рынках, глобальная экономика) и ряда частных проблем (кризис, мировой кризис, европейский долговой кризис и т. д.). Однако в свете событий экономической ситуации мирового сообщества, переживаемой с 2008 по 2011 г., востребованным представляется функционально-прагматическое исследование нарратива экономического кризиса, освещаемого СМИ США (как страны, породившей финансовую нестабильность этого периода), а также Европы и России (как стран, ощущающих его пагубное влияние на своей экономике). В качестве эмпирического материала мы избрали такое экономическое событие, как кризис, начавшийся в августе 2008 г. и продолжающийся по настоящее время (август 2011 г.).

В XIX в. «классическое» определение кризиса («не желаемая и драматическая фаза в капиталистической экономической системе, характеризующаяся колебаниями и негативными явлениями, помехами») было заменено более многозначным понятием «экономический кризис». Об экономическом кризисе речь идет, по мнению Ф. Махлупа, в том случае, если «возникает не желаемое состояние экономических отношений, непереносимо критическое положение больших слоев населения и производящих отраслей экономики» [Machlup 1934: 1]. В. Зомбарт определяет экономический кризис как «экономическое негативное явление, при котором возникает опасность для экономической жизни, действительности по всем направлениям» [Sombart 1904: 1].

Согласно результатам проведенного нами опроса 152-х человек, принадлежащих к разным профессиональным и возрастным категориям, 100 % респондентов связывают понятие «кризис» в первую очередь с ухудшением качества своей жизни. С опорой на дефиниции кризиса, приве-

денные в толковых словарях, и с учетом результатов опроса мы предлагаем обобщенное определение данного явления, в достаточной мере отражающее специфику нашего исследования: периодически повторяющиеся нарушения сбалансированности денежно-кредитной системы государственного, частного секторов и человека (как участников рыночных отношений), ведущие к увеличению внешнего государственного долга, разорению средних и мелких производителей, к сокращению производства и росту безработицы.

По утверждению большинства авторитетных современных экономистов, основная причина кризиса в мире — перепроизводство доллара как основной мировой валюты. В 1971 г. была отменена привязка доллара к золотому запасу США, и доллары начали печатать в неограниченном количестве. Покупательская способность доллара обеспечивалась всеми странами мира, а не только экономикой США. Началась сильнейшая кредитная экспансия доллара во все страны Европы и остального мира, активно использовался фондовый рынок, где росла стоимость акций, не обеспеченная при этом реальной прибылью предприятий. Постепенно проявляется еще одна причина — рост ипотечных кредитов, когда в США стали выдавать высокорисковые кредиты, что привело к окончательному наполнению рынка кредитования, падению цен на жилье и, как следствие, к кризису в ипотечной сфере США. В других странах, в частности в Европе и Азии, практика высокорисковых кредитов до недавнего времени была тоже широко распространена, поэтому ипотечный кризис в США в совокупности с другими причинами и оказал такое сильное влияние на экономику европейских и азиатских стран.

Причина кризиса в России иная: он обусловлен сбоем в банковской сфере. Валютные поступления шли во многие банки из-за границы, но из-за кризиса они прекратились, поэтому наступил кризис ликвидности, появилась также нехватка валютных средств, и банки не смогли осуществлять выплаты в полном объеме. Финансовый кризис неизбежно перерастает в экономический, его последствиями оказались дефолт, банковский

кризис, девальвация национальной валюты, что в конечном итоге привело к экономическому кризису, означавшему сокращение персонала и производства, падение уровня жизни.

«Жизненный цикл» любого кризиса, согласно модели американского ученого Стивена Финка, описанной в его труде «Crisis Management» (2007), можно представить последовательностью пяти этапов: I этап — зародышевая стадия; II этап — первые сигналы кризиса; III этап — обострение кризиса; IV этап — хронический кризис; V этап — ликвидация кризиса. Так, эксперты считают, что зародышевая стадия текущего экономического кризиса в США пришлась на 2000—2006 гг. и выразилась в виде снижения числа продажи домов. В начале 2007 г. экономическая ситуация переросла в кризис высокорисковых ипотечных кредитов, довольно быстро проблемы с кредитованием ощутили и надежные заемщики. Летом 2007 г. кризис из ипотечного начал постепенно трансформировался в финансовый и затронул не только США — условно говоря, это были первые сигналы кризиса. Обострение кризиса пришлось на 2008 — начало 2009 г., когда он приобрел мировой масштаб (т. е. в Россию это явление пришло уже сформированным) и постепенно начал проявляться в повсеместном снижении объемов производства, снижении спроса и цен на сырье, росте безработицы; начались банкротства крупных банков и попытки их спасения, котировки на фондовых рынках резко снизились. Период с 2010 по 2011 г. условно назовем этапом хронического кризиса. Согласно нашим наблюдениям, к августу 2011 г. этап преодоления кризиса еще не наступил.

Таким образом, наше исследование охватывает следующие этапы экономического кризиса: первые сигналы (II этап), обострение (III этап) и IV этап — хронический (2008—2011 гг.), так как изучаемое негативное событие одновременно протекает и в мире, и в России. Для наглядности изобразим на диаграмме с опорой на официальные показатели ВВП динамику развития изучаемого явления в мировом экономическом пространстве и в России.

Диаграмма. Динамика ВВП России и США в 2008—2011 гг.

Необходимо также отметить, что экономический кризис, отражающийся в нарративе, в данном исследовании выступает в форме экономического дискурса. Проанализируем его на примерах контекстов газетно-публицистического стиля с точки зрения прагматической нагрузки. Так, относительно субъекта речи его осуществление зачастую связано с целью передачи информации об экономическом положении дел с использованием языковых средств (стилистических приемов, тропов, экспрессивных выражений), с их деспециализацией / специализацией, с ориентацией на общий фонд знаний массового получателя, с соблюдением правил ведения разговора, сформулированных Грайсом, или с намеренным их нарушением, связанным с определенными целями и задачами субъекта, с презентацией личного отношения к сообщаемому. Обратимся к контексту из статьи «Потребкредиты инерционного действия»: *Безусловными лидерами среди самых убыточных банков по итогам 2009 года стали Росбанк и КИТ Финанс Инвестиционный Банк: убыток каждого превысил 10 млрд руб. О проблемах „КИТ Финанс“ известно давно — они начались еще в конце 2008 года, в разгар кризиса. Так что его убытки можно считать прогнозируемыми. „КИТ Финанс“ брались санировать самые разные структуры, но в результате ответственными за оздоровление банка стали Российские железные дороги* (Коммерсантъ — Деньги. 2010. 22—28 мар.).

Данное сообщение доносит до читателя информацию о катастрофическом положении дел в российских банках. Однако при том, что информация негативная, автору удается включить ее в контекст нейтрально, благодаря стилистическому приему — эвфемизму «безусловными лидерами», который закрепился в культурном фонде общества как элемент с положительной нагрузкой. В результате деспециализации термина «санировать» посредством сочетания «ответственными за оздоровление» автору удается подчеркнуть экономическую направленность издания, в котором опубликована данная статья, и одновременно — ориентацию на массового получателя. Иронический тон автора (*безусловными лидерами, убытки можно считать прогнозируемыми, в результате ответственными за оздоровление банка стали Российские железные дороги*) позволил достичь цели — осуществить имплицитное разоблачение экономической деятельности субъектов данного сектора и выразить негативное отношение к подобным финансовым структурам.

Относительно **адресата** речи прагматика изучает: 1) интерпретацию речи, в том числе правила вывода имплицитных/эксплицитных смыслов из прямой номинации высказывания; в этих правилах учитывается контекст, прагматическая ситуация и пресуппозиция, а также цели, с которыми говорящий может сознательно отступать от принятых максим общения; 2) воздействие высказывания на адресата: расширение экстралингвистических знаний референта; эмоциональное воздействие; эстетический эффект и т. п.; 3) типы речевого реагирования на полученную информацию. Продемонстрируем данные положения на примере статьи в форме комментария «Как долго

продлится ралли?»: *В апреле в США и Европе начинается сезон отчетностей за первый квартал 2010 года. Вполне вероятно, что его начало будет способствовать коррекции на российском рынке. Экономика восстанавливается гораздо медленнее, чем восстанавливаются мировые рынки. Так что есть вероятность того, что в отчетностях мы продолжим фиксировать негативные последствия кризиса. Поэтому я бы посоветовала воздержаться от активных операций* (Коммерсантъ — Деньги. 2010. 5—11 апр.).

Данное сообщение направлено на передачу прямого совета адресату — не вкладывать свои финансовые средства в ценные бумаги: «я бы посоветовала воздержаться от активных операций». Анализируемое явление подкрепляется информацией, способствующей расширению экстралингвистических знаний референта: «экономика восстанавливается гораздо медленнее, чем восстанавливаются мировые рынки». Читатель, ознакомившийся с данной статьей, примет во внимание предоставленную в его распоряжение информацию при осуществлении дальнейших операций с собственными денежными средствами.

В рамках **отношений между участниками коммуникации** изучаются: 1) формы речевого общения (информационный диалог, спор, дебаты и т. п.); 2) социально-этикетная сторона речи (формы обращения, стиль общения); 3) соотношение между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах. Проследить отношения между участниками коммуникации применительно к газетно-публицистическому экономическому дискурсу представляется целесообразным на примере интервью. Материал под заголовком «Зденек Турек: скоро банки начнут конкурировать за хороших клиентов» характеризует речевое поведение журналиста как стереотипное и индивидуальное автоматизированное, вежливое контактоустанавливающее, подготовленное (*Но не кажется ли вам странным, что страна с незначительной долей — порядка 0,5 % — в глобальном ВВП вызвала масштабную коррекцию на фондовом рынке, обвал евро и столько опасений очередной волны кризиса в Европе?*), наступательно-провокационное (*Если это часть глобальной стратегии, то почему тогда глобальному Citi не удалось избежать плохих долгов, закончив второй год подряд с убытком?*). Однако речевое поведение журналиста зависит в значительной степени от социального статуса собеседника. Речевое поведение интервьюируемого в данном тексте можно определить как подчеркнуто взаимовежливое, слегка отклоняющееся от языковой нормы (*Я бы не хотел спекулировать на эту тему*), эмоциональное (...*здесь присутствовала дополнительная нервозность из-за ожидания... операций*) (Коммерсантъ — Деньги. 2010. 22—28 мар.).

В связи с **ситуацией общения** изучаются: 1) интерпретация дейктических знаков, а также индексальных компонентов в значении слов; 2) влияние речевой ситуации на тематику и формы коммуникации. В речевой ситуации экономического дискурса значение имеет временной контекст: время дефолта, экономического кризиса, рост влияния банковских систем, саммиты, свя-

занные с внешнеэкономической деятельностью, и др. Исследуемый дискурс сам за себя говорит о предмете речи: события, окружающие человека в области экономики. Для речевой ситуации важным является цель общения. Непосредственной целью экономического дискурса также может быть побуждение партнера к действию, предупреждение его о возможных изменениях, привлечение внимания реципиента к производству предприятий и др.

Стрессовые ситуации, к которым причисляется и социально-экономический кризис, сужают число параметров, которые подлежат обработке. По этой причине человек по-иному оценивает поступающую информацию, преувеличивая значимость того или иного параметра. Эти особые условия сужения информационного потока формируют иные модели речевого действия и реагирования. Реципиент усиливает его, исходя из психологических механизмов работы с информацией — он избирательно берет из окружающей его действительности только те характеристики, которые поддерживают выбранную им интерпретацию.

Основным средством достижения соответствующего информационного доминирования остается контроль информационного пространства. Характерной особенностью управления коммуникациями в условиях кризиса является разработка моделей порождения информации и моделей блокирования ненужной информации, которая своей циркуляцией может приводить к саморазрушению системы. Таким образом, можно представить два основных коммуникативных процесса, значимых для управления кризисом: 1. Порождение информации. 2. Блокирование информации [Почепцов 2001: 515]. В процессе порождения/блокирования информации автору текста необходим осмысленный, целенаправленный, прагматически обусловленный выбор языковых единиц, включаемых в коммуникативную ситуацию. Известно, что «под правилами отбора языковых средств и построения высказываний (текстов) в различных типичных ситуациях общения с разной коммуникативной интенцией в определенном обществе в данный исторический период его развития принято определять коммуникативно-прагматическую норму» [Анисимова 1988: 65]. Данная дефиниция напрямую коррелирует с определением С. И. Назарова: «Языковая норма может быть определена как комплекс представлений носителя данного языка о том, какие языковые и речевые формы в различных коммуникативных ситуациях являются наиболее адекватными для осуществления интенций говорящего» [Назаров 1990: 20].

Коммуникативная интенция может быть реализована посредством множества разных способов, а выбор того или иного пути ее достижения называют стратегическим целеполаганием: «...коммуникативная ситуация всегда проблемна, т. е. предполагает решение какой-либо коммуникативной задачи. Это „движение“ от реально существующей ситуации к воображаемой результирующей воплощается в способах речевого поведения общающихся — стратегиях создания текста (дискурсивных стратегиях коммуникантов)» [Борисова 1999: 82].

Е. В. Клюев понимает под коммуникативной стратегией «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 1998: 10]. В свою очередь, И. Н. Борисова утверждает, что это «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [Борисова 1999: 85]. В данном исследовании считаем целесообразным отдать приоритет определению стратегии с прагмалингвистической точки зрения, понимая под ней «совокупность речевых действий» [Труфанова 2001: 58], «цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [Макаров 2003: 192].

По нашему мнению, явление «экономического эвфемизма» (соответствующее стратегии «эвфемизация»), призванное отвлечь внимание слушающей/читающей аудитории от запретного понятия, закамуфлировать нежелательную информацию во избежание социально-экономических конфликтов между государственным сектором, частным сектором и человеком как основными участниками экономического дискурса, завуалировать неверные действия, неоправданное поведение в сфере экономики, создать социальные условия для максимально беспрепятственного осуществления «предпринимательского диалога», можно считать одной из основных стратегий реализации блокирования информации в публицистическом экономическом дискурсе.

Обратное тому явление — экономический дисфемизм (стратегия «дисфемизация») как 1) прямая номинация негативных событий в экономической сфере, 2) грубое или непристойное обозначение изначально нейтрального понятия с целью придания ему негативной смысловой нагрузки или просто для усиления экспрессивности речи; 3) «устаревание» некогда бывших эвфемизмов, выуалировавших правду экономических событий, способно порождать информацию в коммуникативном процессе управления кризисом.

Наглядно продемонстрируем нашу точку зрения на примерах контекстов нарратива кризиса со II по IV этап его развития, включенных в нашу исследовательскую картотеку.

But in a recent note, analysts at Keefe Bruyette & Woods said: "Most Latin American capital markets have experienced a steep sell-off, currencies have weakened, commodity prices have fallen, and the overall economic climate has deteriorated" (The Observer. 2008. Sunday, 21 Dec.).

Так, в контексте, взятом из аналитической статьи под заголовком «Backing Madoff dents Santander's shining financial reputation» и характеризующем II этап развития кризиса, информация носит порождающий характер. Адресант позволяет себе описать ситуацию, сложившуюся в брокерских конторах, дисфемистично: *a steep sell-off, currencies have weakened, commodity prices have fallen, and the overall economic climate has deteriorated*. Прямая номинация негативных событий в экономической сфере характеризует содержательно-фактуальный способ образования дисфемизации, однако ответственность за публикуемую

информацию журналист с себя снимает при помощи осколочной цитаты, репрезентирующей слова аналитиков в оригинале.

В российском журнале «Экономика и жизнь» использован стилистический прием «аллюзия», реализующий стратегию эвфемизации, на знаменитую теорию о «невидимой руке рынка» Адама Смита. С его помощью автору удается описать едва заметный процесс, когда в условиях свободного рынка личные интересы, в конце концов, работают на общий упадок вместо предполагаемого основоположником политической экономии блага: *В ближайшее время страховой рынок ждет испытание на выживание. „Невидимая рука рынка“, о регулирующей роли которой много говорили в период построения российской версии капитализма, дотянулась до горла игроков на фондовом рынке и может вскоре таким же образом „отрегулировать“ и реальный сектор экономики* (Экономика и жизнь. 2008. 17 окт.).

Эвфемизмы испытание на выживание, дотянулась до горла, таким же образом „отрегулировать“ блокируют отрицательную информацию, нивелируя ожидаемые в обозримом будущем негативные обстоятельства. Однако в сообщении ясно транслируется угроза будущему, исходящая из сложившейся ситуации.

Приведем пример контекста, зафиксированного в российском журнале экономической направленности «Прямые инвестиции» 1 апреля 2009 г. в статье под заголовком «План Обамы: оценка перспектив»: *Администрация Барака Обамы пришла к власти в период, когда кризис, начавшийся в США как финансовый, не только „перетек“ в реальный сектор, но и стал глобальным. Перед администрацией встал задача срочно решать целый блок социально-экономических проблем. Основные макроэкономические показатели США за первые месяцы 2009 года показали ухудшение ситуации. Кризис явно еще не достиг дна, что заставляет рыночные субъекты нервничать и усугубляет нестабильность на финансовых рынках. Поэтому задача восстановления доверия — один из программных приоритетов новой администрации. Здесь также можно проследить порождение информации посредством содержательно-фактуального образования дисфемизации. Данный факт можно объяснить тем, что на этапе обострения кризиса (III этап) скрывать правду от адресата, переживающего негативное влияние кризиса на себе, не имеет смысла, иначе возникнут слухи, что лишь повредит репутации правящей коалиции и ее стремлению преодолеть кризис.*

На этом же этапе существования кризиса было зафиксировано использование стратегии эвфемизации, цель которой — блокировать информацию. Проанализируем следующий контекст из статьи «This economic crisis cries out to be transformed into the founding of a new Europe» (The Guardian. 2009. Monday, 13 Apr.): *There can be no return to the national idyll. It is in all our interests for states to now abandon their nostalgic self-delusion.* Эвфемизация, реализованная в ироническом ключе и являющаяся критикой принятого государством финансово-экономического курса,

выполняет функцию «маскировки подлинной сущности обозначаемого». Адресант понимает, что для изменения дел в положительную сторону необходимо принять кардинальные меры, а не тешить себя самообманом.

Используя метафору *the debt contagion* для реализации стратегии дисфемизации (в данном случае она образована содержательно-подтекстовым способом), автор статьи «Germany's Angela Merkel and other European leaders is under increasing pressure over the Greek debt crisis going global as markets were in turmoil» передает информацию в незавуалированной форме. Подобным образом реализуется цель частичного снятия с европейских стран ответственности за экономически нестабильную ситуацию в мире и возведения обвинений в этом на Грецию: *The growing crisis in the eurozone threatened to undermine the global economic recovery as markets plunged across the world on fears that European leaders may not be able to contain the debt contagion spreading from Greece* (The Guardian. 2010. Friday, 7 May).

Пример, зафиксированный нами в экономическом еженедельнике «Коммерсантъ — Деньги» за 2011 (IV этап — хронический кризис), демонстрирует стратегию эвфемизации, т. е. блокирование информации: *Происходящее весь последний месяц на финансовых рынках — это реакция на действия S&P, снизившего кредитный рейтинг США, или фундаментальная переоценка рисков в системе?*

В данном контексте под словами *происходящее и реакция*, на первый взгляд, единицами с нейтральной коннотацией, скрыта негативная нагрузка текущего финансово-экономического состояния стран Европы в общем и России в частности.

Информация об экономических проблемах Нью-Йорка, опубликованная в статье «Unemployment claims, consumer prices jump» еженедельника «USA TODAY», подана читателю дисфемистично: *The Federal Reserve Bank of New York said factory conditions in that region worsened for a fourth month, according to its September survey. Businesses saw fewer orders and paid higher prices. Factories in the region employed fewer people and their remaining employees worked fewer hours, the New York Fed said* (USA TODAY. 2011. Wedn., 14 Sept.).

Ссылаясь на данные, представленные Федеральным резервным банком (США), а значит, снимая с себя ответственность за содержание сообщения, автор порождает информацию посредством содержательно-фактуального образования, т. е. в неприкрытой форме, такой, какой она есть в реальности: *fewer orders and paid higher prices, employed fewer people, employees worked fewer hours*, — что свидетельствует о неготовности страны перейти на V этап (ликвидация кризиса), а значит, международный финансовый кризис по-прежнему держит в напряжении весь мир.

Таким образом, согласно вышеизложенному теоретическому материалу, подкрепленному практическим анализом, мы считаем, что для достижения коммуникативно-прагматического эффекта адресанты текстов публицистического экономического дискурса при освещении нарратива финан-

сово-экономического кризиса прибегают к реализации эвфемизации/дисфемизации как к основным глобальным стратегиям, используемым в качестве инструмента блокирования/порождения информации.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е. Е. Коммуникативно-прагматические нормы // Филологические науки. 1988. № 6. С. 64—69.

Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 81—97.

Клюев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие. — М. : ПРИОР, 1998.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гно-
зис, 2003.

Назаров С. И. Языковая норма и языковая культура с позиций психолингвистики // Нормы человеческого об-
щества : тез. докл. науч. конф. — Горький, 1990. С. 19—
20.

Падучева Е. В. Семантика нарратива. — М. : Языки
русской культуры, 1996.

Попова Е. А. О лингвистике нарратива // Филологи-
ческие науки. 2001. № 4. С. 87—91.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М. : Рефл-
бук, 2001.

Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой
акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика //
Филологические науки. 2001. № 3. С. 56—65.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. :
Флинта : Наука, 2006.

Machlup F. A Note on Fixed Costs // Quarterly Journal of
Economics (QJE). — Oxford, 1934. № 3 (48).

Schiffrin D. In other words: Variation in reference and
narrative. — Cambridge, 2006.

Sombart W. Die Bedeutung des Einschlags juedischer
Elemente für Deutschlands // Wirtschaftsleben Ost und West:
Illustrierte Monatschrift für modernes Judentum 4: 1904.
P. 23—26.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов